

РТР

НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Если бы директором — вполне традиционное для «ЛГ» начало — был я, иными словами, по мановению волшебной палочки превратился в члена жюри премии «Тэффи-96», то без всяких колебаний присудил бы ее Льву Аннинскому за телевизионный фильм «Симонов и Гроссман. Сын и пасынок». Успех Льва Александровича разделяет режиссер Игорь Калядин из объединения «Лад», который по-своему помогает популярному критику высказать многое из того, что он думает о сложных и болезненных проблемах писательского бытия, актуальных и сегодня, несмотря на изменение политического режима в стране.

ЖАНР, избранный Аннинским, не прост при реализации по различным причинам, главная из которых — необходимость добиться своеобразной тождественности речи и видеоряда. В телефильме мало «пустот». Личность Аннинского, его точка зрения, его воспоминания и литературный вкус господствуют на экране, но он не делает из себя героя телесессе, не заполняет собой все время, а ведет беседу с достоинством, и слова его идут из сердца. Впрочем, для меня Аннинский не открыл ничего нового. Но подсознательно я давно хотел услышать произнесенные им громко и внятно слова, совмещенные с трагедийными кадрами кинохроники и редкими фотографиями. Цельность восприятия — вот чего добились Аннинский и Калядин. Однако возникает желание кое-что добавить и с чем-то не согласиться.

Принцип построения телесессе Аннинского органичен. Роман Константина Симонова «Товарищи по оружию» и роман Василия Гроссмана «За правое дело» в начале пятидесятых появились в одной книжке «Нового мира». Сама судьба открыла Аннинскому путь к оправданному историко-литературным параллелям. Кроме того, Симонов как главный редактор журнала сыграл определенную роль в творчестве Гроссмана.

Аннинский считает Симонова сыном своего времени, Гроссмана — пасынком. Он использовал рассуждения Гроссмана о печальной участи пасынков. С основной позицией критика можно согласиться, но лишь частично. Симонов не всегда был сыном эпохи. Он сын княгини Оболенской и царского генерала, усыновленный впоследствии командиром Красной Ар-

мии, тоже в прошлом царским полковником. Кириллу Симонову приходилось что-то утаивать из биографии. Я хорошо помню темные слухи о происхождении поэта, которые распространялись лет сорок назад. Без вмешательства «компетентных органов» подобные вещи не происходят. Симонов добился ведущего положения в литературе своим дарованием, а не с помощью партийного протекционизма, происхождения и доносов. Он заставил с собой считаться, не прятался во время войны за спины других, сумел стать незаменимым. Премии, должности, награды и заграничные вояжи достались ему позднее. Но и в пасынках он успел походить. Не раз подвергался косвенному, а то и прямому давлению в хрущевские времена.

Иное дело — ограниченность взглядов Симонова на социальные и общественные процессы, происходившие в нашей стране. Иное дело — уровень осведомленности и знание того, что происходит в действительности. Сошлюсь на любопытный пример. Алексей Иванович Кондрагович рассказывал мне о столкновении Твардовского, недавно назначенного в первый раз редактором «Нового мира», с Фадеевым, которое произошло прямо на улице в Перedelкине. Твардовский поделился с Фадеевым сомнениями. Все чаще он получает сведения о большом количестве политзаключенных в советских концлагерях. Фадеев рассвирепел и оскорбил Твардовского. «Ты находишься под влиянием вражеской пропаганды!» — кричал он. Твардовский уехал. Через несколько дней по фельдбергской связи в редакцию журнала доставили огромный конверт с красной полосой, в котором ботался маленький бланк с ответом из МГБ. В местах заклю-

Юрий ЩЕГЛОВ

Симонов и Гроссман. Сын и пасынок?

Лит. газ. — 1996 — 1 мая — с. 15.

чения, оказывается, содержится восемь с чем-то тысяч человек, осужденных за политические преступления. И Твардовский поверил. А как не верить?! Восемь тысяч — огромная цифра для поэта. Но все-таки не восемьсот тысяч и не восемь миллионов, как о том говорили.

Да, возмражения Симонова были ограниченными. Антисоветские откровения Андре Жида, Луи Селина или инженера-невозвращенца Кравченко он считал клеветой, а жестокости СМЕРШа преувеличенными. Он принадлежал к людям войны и противостояния: если не ты, то тебя! И вместе с тем он был лириком и незлым человеком. Парадокс и драма одновременно. Он не представлял себе и в конце жизни иного строя, чем советский, но все-таки его одаренность, отчасти неразвитая, его природная мелодичность — чисто русская, стремление к ладу, к гармонии, его интонационная независимость, его органика, его прозаическая музыкальность не совмещались с той фашизацией коммунистических идей, которую провёл Сталин. Эти редкие качества позволили Симонову создать литературу, не потерявшую значения и сегодня. Проза его не так облегчена, как принято думать, что уловил сотрудник радио «Свобода» Борис Парамонов в своем недавнем радиосэссе о Симонове. Она эстетична, сдержанна, и в ее эстетике есть своя философия — философия недоговоренности, приглашающая читателя задуматься. Ситуации и сюжеты Симонова правдоподобны, образы не схематичны и не сконструированы. А «Дым отечества» вообще прекрасная вещь! Много превосходных и мощно написанных страниц в романе «Живые и мертвые». Образ Серпилина скульптурен и не стирается из памяти.

Симонов писал в основном только о том, что знал и пережил сам. Если материалом служила чужая и непонятая им действительность, как в «Русском вопросе», то его ждал провал. Вот эту качественную сторону таланта Симонова Аннинский мог бы раскрыть с большей глубиной и болью. Ведь литература прежде всего делается талантами. Творческое и человеческое выживание таланта или его гибель — предметы значительные. О них надо говорить, от них нельзя отмахиваться. Это наша трагедия, наше несчастье. Внутренний поэтический мир Симонова, певчая птичка, спрятанная в горле, принуждали его не только петь, но и идти на компромиссы, не только идти в огонь войны и даже искать смерти — я в приведенные Аннинским слова, принадлежащие сталинскому сатрапу Щербакову, верю, — не закрывать глаза на многие ужасы сталинской системы. Что поделаешь, если

такова горькая правда! Однако Симонов стремился выразить свое, потаенное, личное, не всегда сообразующееся с режимом, которому он служил, что Сталин, кстати, отлично понял, грубо отозвавшись о любовном цикле «С тобой и без тебя», посвященном Валентине Серовой.

Все это рождало в Симонове мучительные противоречия и неудовлетворенность. Наконец, Симонов по-человечески многим помог в эпоху борьбы с космополитизмом, несмотря на зависимость от Сталина и понятное желание избежать разгрома. Он помогал Семену Гудзенко. Он пробивал дорогу булгаковскому «Мастеру», решительно поддержал «Сашку» Вячеслава Кондратьева.

Да, он сказал и сделал немало того, что не должен был говорить и делать, и даже жизненные обстоятельства не могут служить оправданием. Однако ситуация, в которой находился писатель, оставленный один на один с режимом, несколько затенена Аннинским.

СЕЙЧАС мы, слава Богу, в иной ситуации. Тоже тяжелой и сложной, но все-таки иной. Свобода слова, с одной стороны, является действительной системой контроля и инструментом борьбы с подпольем, к которым всегда и везде прибегала демократия. А с другой — свобода слова существует де-юре и де-факто, давая возможность обществу хоть как-то защитить себя от произвола и вести сбалансированное существование. При Хрущеве и Брежнев подобная система отсутствовала. Василий Гроссман успел стать одной из жертв этого ослабленного сталинского режима, который десятилетиями тяготел над нашей страной и рецидивы которого дают себя знать и поныне. Над Гроссманом вдоволь поиздевались и сократили его дни.

Василий Гроссман, замечательный и высокопотантливый русский прозаик (как это ни прискорбно слышать, например, г-ну Шафаревичу), не всегда числился в пасынках времени. Книги настоящих пасынков не выдвигают на Сталинские премии, не вносят в школьные и университетские программы, не издают массовыми тиражами. Рукописи пасынков времени сжигали на Лубянке, а авторов держали в лагерях, если не вгоняли пулю под череп. Горестный и тяжкий путь, по которому шел Гроссман, преследования и унижения — вот что сделало его подлинным пасынком эпохи. Сталин не умертвил Гроссмана с помощью пули или лагерь, как Васильева, Веселого, Пильняка, Бабеля, Мандельштама, Корнилова и сотни других писателей одной шестой части света. Убийство Михоэлса, эхо которого прокатилось совсем недавно по газетам в связи с процессом про-

тив журналиста Молчанова, разгром генетики, запрет «Черной книги», в составлении которой участвовал Гроссман, судилище над Еврейским антифашистским комитетом и «дело врачей» окончательно приблизили писателя к последней черте. Теперь он получил наглядный урок и испил горькую чашу до дна — понял и ощутил, какую участь готовят не только евреям, но и русской интеллигенции да и всему народу. От пропасти его отделил лишь шаг.

Напрасно Аннинский обошелся одной фразой по поводу романа «Степан Кольчугин» и не показал, как столь абстрактный и схематичный подход, свойственный соцреализму, все-таки укоренился в сознании автора бесмертной — я не побоюсь этого слова — эпопеи «Жизнь и судьба». Те немногие слабые страницы, которые в ней есть, — отголосок «кольчугинского» подхода.

Эпопея Гроссмана написана с поразительным мастерством и знанием жизни. Лагерные и «немецкие» сцены (исключение — сцена смерти в газовой камере) выпадают из общего контекста. Но зато исторические выводы и философия Гроссмана, его осмысление войны и послевоенного периода, его умение проникнуть в души людей, показать мотивы их поступков завораживают. Это не означает, что с писателем во всем можно согласиться. Дело не в совпадении враждебных идеологий, которые взяли на вооружение Советский Союз и гитлеровская Германия, дело в фашизации всего строя нашей жизни. Сталин сделал идеологию ВКП(б) жесткой и жестокой в мирное время и привил ей ужасные ростки. Народ не хотел и не мог принять бесчеловечного режима. И Сталин фактически уничтожил коммунистические идеи, скомпрометировав их бесповоротностью. Не только в одну реку нельзя войти дважды, но и историю трудно повернуть вспять.

Гроссман предчувствовал крах, предвидел его, и оттого его книга читается с мучительным ощущением тщетности человеческого усилия.

безвыходности и тупика. Герои Гроссмана находятся в лабиринте, и, сколько по нему ни броди, на свободу не выберешься. Вместе с тем жизнь есть жизнь, за нее надо бороться. Подлость неприемлема для Гроссмана. Она его главный враг.

Очень сильный эпизод телефильма Аннинского — рассказ об отношении Гроссмана к матери, расстрелянной в Бердичеве гитлеровцами. Страдания Гроссмана близки и понятны. Какой неустрашимый след оставляет война! Гроссман видел неисчислимое количество смертей красноармейцев и командиров, что сделало его личное горе еще более тяжелым. Горе Гроссмана неотделимо от горя народа, и в этом его величие как человека и русского литератора.

Да, на слабую старую женщину потратили не более двух пуль или сбросили в яму еще живой. Да, письма Гроссмана к ней есть факт литературы, великой русской литературы, которая всегда была бескорыстна, шла из сердца и голодала, как ни одна великая литература в мире. Вдобавок ее запятнали кровью и политической ангажированностью. Если раньше ее душили режим и цензура, то теперь над ней насмехаются коррупция, сговор и круговая порука. Эпопея Гроссмана, если бы автор жил сегодня, выйти в отечестве было бы тоже непросто. Правда, Гроссмана не преследовали бы открыто. Наконец-то начальство поняло, что натравливать вооруженную госбезопасность на беззащитных писателей постыдно.

История ареста рукописи Гроссмана достаточно известна. Жаль, что Аннинский не поведал нам больше о роли главного редактора «Знамени» Вадима Кожевникова в этом событии. Нашел же автор время упомянуть о выдаче КГБ второго экземпляра Твардовским? Хотя это сам Гроссман указал сотрудникам КГБ, в какой редакции хранится второй экземпляр. Если я не ошибаюсь, в другом месте у Аннинского мелькнуло слово «предательство». Я против того, чтобы подобное слово стояло рядом с фамилией Твардовского. Твардовский — великий человек. «Новый мир» под его редакцией — великий журнал. Большие эпоха Твардовского никогда не повторится, и никто нам его не заменит. Он ошибался, лавировал, отступал. Однако все мы в прямом и переносном смысле вышли из «шинели» Твардовского. Даже непреклонный и негибкий Солженицын. Непонятно, почему Аннинский не остановился на зловещем Сулове, сыгравшем не последнюю скрипку в оркестре преследователей Гроссмана и его романа?

Но как бы там ни было, я все равно — как телезритель — голосую за Аннинского, за правдивый и открытый разговор, за литератора, который не желает смириться с лживыми, однобокими и тенденциозными трактовками, в изобилии появляющимися в наших средствах массовой информации. А для этого надо набраться мужества. Того и гляди печатать перестанут. У нас до сих пор не испарились мастера затыкать рот.

У литературы есть странная и необъяснимая черта. Многие стихи и повести сына времени и многие очерки и книги пасынка этого же времени читаешь сегодня с одинаковым волнением. Я думаю, что подобное ощущение посещает разных читателей. И оно закономерно. Это подтверждает и сам телефильм о Симонове и Гроссмане.